

ПОУЧЕНІЕ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО

НИКАНОРА,

Архієпископа Херсонскаго и Одесскаго,

въ день перенесенія мощей св. благовѣрнаго великаго князя

АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО,

въ столѣтній юбилей основанія города

НИКОЛАЕВА.

ОДЕССА.

„Славян. типогр.“ Н. Хрисогелось, Екатеринин. ул., д. № 14.

1890.

СТРОГАНОВ

289

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ ІМЦЕННИКОВА

ПОУЧЕНІЕ

Высокопреосвященнаго НИКАНОРА, Архієпископа Херсонскаго и Одесскаго

въ день перенесенія мощей св. благовѣрнаго великаго князя **Александра Невскаго**, въ столѣтній юбилей основанія города **Николаева**.

Въ благословеніи правыхъ возвысится градъ; усты же нечестивыхъ раскопается (Притч. Сол. 11, 11).

Что значить это священное изреченіе?

Правый значить человѣкъ любящій правду, поступающій по правдѣ, человѣкъ оправдываемый, одобряемый не всегда людьми, всегда Богомъ, человѣкъ праведный, богоугодный, благочестивый, религіозный, человѣкъ по своимъ качествамъ противоположный нечестивцу.

Что значить—*нечестивый*? Нечестивымъ принято называть человѣка нерелигіознаго, невѣрнаго и непокорнаго Богу, далекаго отъ церкви, непослушнаго уставамъ правды Божеской и основной человѣческой. Нечестивецъ тоже, что беззаконникъ, преступникъ во первыхъ закона Божія, а далѣе и основнаго человѣческаго.

Что значитъ *благословеніе* правыхъ, праведныхъ? *Благословеніемъ* на священно-церковномъ языкѣ называется изреченіе однимъ человѣкомъ другому благаго слова, благаго пожеланія во имя Божіе. Но *благословеніе* можно, какъ и должно, понимать и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Подъ *благословеніемъ* слѣдуетъ разумѣть всякія истинно благія и благожелательныя слова, какія изречаются однимъ человѣкомъ другому. И здѣсь въ приведенномъ священномъ изреченіи *благословеніе* нужно понимать какъ въ томъ, такъ и въ другомъ смыслѣ, въ стѣсненномъ и широкомъ, потому что первая половина этого библейскаго антитеза: *благословеніемъ—благими словами праведныхъ возвышается градъ*, противопоставляется второй половинѣ: *устами же (въ широкомъ смыслѣ) нечестивыхъ градъ разрушается*, разрушается всѣмъ тѣмъ, что вообще исходитъ изъ устъ нечестивыхъ, не только проклятiями, но и всякими злыми нечестивыми рѣчами.

Такимъ образомъ смыслъ предпоставленнаго нами изреченія священной древности устанавливается такой: *благословеніями и всякими благими словами, исходящими отъ благаго сердца людей праведныхъ, богоугодныхъ, благочестивыхъ, градъ возвышается; устами же и всякими злыми нечестивыми рѣчами, какія исходятъ отъ злаго сердца людей нечестивыхъ, богопротивныхъ, градъ разрушается*. Общѣ же можно сказать, что благочестивою, правою вѣрою и порождаемыми ею благими рѣчами людей праведныхъ грады возвышаются; нечестіемъ же и проистекающими изъ него злыми рѣчами людей нечестивыхъ грады разрушаются.

Мы забыли еще одно слово—*градъ*, которое въ разныя эпохи исторической жизни имѣло разныя значенія. Перво-

начально городомъ называлось вообще поселеніе общества человѣческаго, стороженное въ жильѣ и огороженное для безопасности; тогда какъ въ настоящее время у насъ городомъ называется болѣе или менѣе значительное поселеніе, которому усвоено не только имя города, но и городовое положеніе. Для нашей цѣли важно, что въ старые годы городомъ называлось всякое болѣе или менѣе значительное поселеніе, которое само собою стораживалось въ человѣческое жильѣ, въ отдѣльное само собою слагавшееся общежительство; тогда какъ въ послѣднее время у насъ города возникаютъ или даже строятся по велѣнію правительства.

Въ отношеніи къ городамъ первобытнымъ божественная истина, выраженная въ предпоставленномъ нами священномъ изреченіи, ясна, какъ свѣтъ Божій. Когда какой городъ слагается естественно и свободно, свободнымъ наплывомъ и прикрѣпленіемъ населенія,—то ясно, что чѣмъ болѣе окажется въ такомъ городѣ насельниковъ праведныхъ, тѣмъ для него лучше, безопаснѣе, благонадежнѣе. Люди правые будутъ возвышать его не только своими правыми поступками, но и буквально благими словами, благими совѣтами и благословеніями. Благими совѣтами породятся благія общественныя рѣшенія. Благими наставленіями, соединенными съ добрымъ примѣромъ, укрѣнятся добрые нравы. А благословеніями и молитвенными благожеланіями низвлечется благословеніе Господне съ неба. Крѣпко помолился патриархъ Авраамъ, готовый принести въ жертву сына своего Исаака, на горѣ Моріа, и гора эта стала, съ теченіемъ вѣковъ, великимъ въ домостроительствѣ нашего спасенія Іерусалимомъ, источникомъ благословеній для всего человѣчества. Св. Апостоль Андрей Первозванный, какъ и наши препо-

добные Антоній и Θεодосій и прочіе угодники печерскіе призвали благословеніе Господне на горы Кіевскія, и на горахъ сихъ сіяеть и свѣтитъ своею святынею во всѣ концы Руси до сего дне благословенный Кіевъ. Призвалъ первосвятитель Московскій Петръ благословеніе Господне на ново-возникающую Москву, какъ на сердцевины Россійской державы, и Москва стала сердцемъ Россіи. Призвалъ преподобный Сергій благословеніе Господне на свою Сергіеву пустыню, и пустыня превратилась въ градъ, въ несокрушимую твердыню русскаго царства. Помимо своего нравственнаго вліянія на согражданъ, помимо благословеній, молитвенно испрашиваемыхъ, праведникъ низводитъ благословеніе Господне на градъ уже тѣмъ самымъ, что живетъ въ немъ и привлекаетъ на него милосердіе Господне, по слову Господа патріарху Аврааму: *аще будетъ пятьдесятъ праведниковъ во градъ, оставлю весь градъ и все мѣсто ихъ ради. Не погублю, аще обрящу тамо четыредесять пять праведниковъ. Не погублю ради тридесяти. Не погублю, аще обрящутся тамо двадцать. Не погублю десяти ради праведниковъ. На семь, на десяти, преста Господь глаголя ко Аврааму* (Быт. 18, 23—33).

Но и для нашихъ современныхъ городовъ эта истина есть истина божественная. *Въ благословеніи правыхъ возвышается градъ; устнами же нечестивыхъ раскапывается.*

Не будемъ говорить ни объ европейскихъ, ни объ американскихъ городахъ; какъ они тамъ строятся и возвышаются и на долго ли, Богъ ихъ вѣдаетъ. Станемъ говорить, не развлекаясь посторонностями, только о русскихъ, ближайшимъ образомъ, о нашихъ черноморскихъ городахъ. И перенесемъ отъ общихъ отвлеченныхъ соображеній на житейскую исторически-практическую точку зрѣнія.

Послѣ татарскаго погрома св. Русь стала расти быстро. При Іоаннѣ III сюда къ югу русское царство простиралось до Оки. Послѣ Іоанна IV при Θεодорѣ Іоанновичѣ до Курска. При Алексѣѣ Михайловичѣ до Кіева. При Θεодорѣ Алексѣевичѣ до Чигирина. При Петрѣ I до Перекопа и Азова. При Еватеринѣ II до Бахчисарая, Очакова и Измаила. При Павлѣ I до закраинъ Грузіи. При Николаѣ I до Арарата. При Александрѣ II до Карса и Батума. До послѣднихъ годовъ мы переживаемъ еще богатырскій героическій вѣкъ своей исторіи. На что возлагаемъ упрямо свои очи, за чѣмъ протягиваемъ руку, то наше или будетъ наше. Должно быть, Россіи суждено еще жить долго, долго; такъ какъ нашъ богатырскій вѣкъ, который обыкновенно сопутствуетъ юности народа, тянется уже пятьсотъ, шестьсотъ, даже и всю тысячу лѣтъ бытія русскаго государства. Впрочемъ и то сказать, что героическій вѣкъ народа римскаго тянулся съ основанія Рима всего 700—800 лѣтъ; а затѣмъ этотъ народъ, не имѣя въ себѣ доблестей крѣпкой гражданственности, быстро разложился, и героизмъ его испарился совсѣмъ, вмѣстѣ и съ народнымъ бытіемъ. Можно надѣяться, что если тысячу лѣтъ протянулся нашъ героическій вѣкъ; то нашъ возрастъ возмужалой гражданственности протянется двѣ, три тысячи лѣтъ, и сколько Богъ поможетъ. Не къ тому народы призваны, чтобы только воевать, но и жить, и развиваться, и совершенствоваться всесторонне въ разныхъ человѣческихъ доблестяхъ, совокупность которыхъ составляетъ высшую истинно-нравственную культуру и гражданственность. Къ сожалѣнію ясно, что до сихъ поръ крѣпкая общественная гражданственность намъ рускимъ какъ-то не дается. Да мы ее какъ-то мало и понимаемъ. Мало

о ней и думаемъ; какъ будто мало о ней и заботимся; мало заботимся о томъ, чтобъ она между нами русскими вѣрпчала. Это я и хочу назвать по имени и по возможности разъяснить.

Пророкъ Моусей предрекалъ древнему Израилю... Я буду читать по Моусею объ Израилѣ; а вы прилагайте къ себѣ, къ русскимъ, особенно этого края. Изъ рѣчи Моусея я буду выбирать наиболѣе удобопримѣнимое къ намъ... *И будетъ, аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранити и творити вся заповѣди Его, и придутъ на тя клятвы сія. Будеши тогда обидимъ и расхищаемъ во вся дни, и не будетъ помогаяи тебѣ. Будеши обидимъ и расхищаемъ на самомъ законномъ основаніи, самъ подпишешь и признаешь долговья обязательства, и тебя оберутъ до гола, до нищеты, и никто тебѣ не поможетъ, законъ поможетъ твоему заимодавцу. Домъ созиждеши, и не поживеши въ немъ.* Посмотрите, цѣлые кварталы недавнихъ русскихъ домовъ въ нашихъ городахъ отходятъ въ перускія руки. *Виноградъ насадиши, и не обереши его. Телецъ твой закланъ предъ тобою, и не съищи отъ него,* — самъ отведешь его на базаръ и продашь. *Осля твое отъято отъ тебе, и не отдастся тебѣ;* конь твой украденъ конокрадами изъ твоей же братіи, и не возвратится тебѣ. *Овцы твои отданы будутъ врагамъ твоимъ,* — проданы будутъ тобою же чужимъ. *Плоды земли твоя и вся труды твоя поястъ народъ чуждый.* И пшеницы и прочаго насѣешь, скота разведешь, и все поспѣшишь сбыть за безцѣнокъ, чтобы раздѣлаться съ долгами и должниками; всѣ промышленныя доходныя статьи постепенно отойдутъ и отходятъ отъ русскихъ рукъ (въ родѣ добыванія строительнаго камня

вокругъ Одессы). *Сѣмя много изнесеши въ поле, и мало внесеши, яко поядятъ ниву твою саранча и прочія насѣкомыя;* а ты будешь глядѣть на это, сложивши руки. *Виноградъ насадиши и воздѣлаеши, и вина не испіеши, ниже возвеселишися отъ него, яко поястъ я червь. Всѣ древесныя плоды твои и вся жита земли твоя потребитъ ржа.* Посмотрите, не сбывается-ль и это во очію нашу? Благоприятнѣйшій въ метеорологическомъ смыслѣ годъ, небывалое обиліе дождей, и ничтожный урожай, по мѣстамъ чуть не голодъ оттого, что нашу пшеницу погрызли насѣкомыя, тамъ запалъ запылилъ, тамъ дождь положилъ. Виноградники повально пропадаютъ и искореняются отъ особой заразы. Плоды во многихъ садахъ совсѣмъ пропали, погнили на деревьяхъ и поосыпались. Рожь и пшеницу, даже хорошо уродившіяся, на огромныхъ пространствахъ, поѣла ржа. И вмѣсто зеренъ пшеницы изъ колосьевъ мы получаемъ эту самую ржу, какою-то горькую пыль, которая отравляетъ самую сѣмена. *Пришлецъ* — инородецъ, *иже есть у тебе,* который придетъ къ тебѣ въ твои города, *взыдетъ надъ тебя выше выше, ты же низидеши внизъ да внизъ. Сей взаимъ дастъ тебѣ, ты же ему взаимъ не даси.* Не видимъ ли, что общественная коммерческая сила ускользаетъ изъ нашихъ рукъ? Мы русскіе въ долгу, какъ въ паутинѣ. Другіе даютъ намъ займы; а намъ гдѣ думать, чтобы давать? Мы озабочены думою, гдѣ бы только занять за какіе бы то ни было проценты, занять и прожить. *Сей, пришлецъ, инородецъ, будетъ надъ тобою голова ты же будеши хвостъ* (Второзак. 28, 15—44). Замѣтьте, что я все это читаю изъ пророка Моусея.

Отчего-жъ бы это происходило, что мы въ нашихъ го-

родахъ нисходимъ предъ другими внизъ да внизъ и становимся въ хвостъ? Должно-ль сказать это только о новороссійскихъ или мало-россійскихъ городахъ? Не начинаемъ ли мы видѣть низпаденіе русской общественной силы въ городахъ и весяхъ даже военной Великороссіи до ея глубинъ? Увы! Видимъ. Кому и тамъ мы взаимъ даемъ? У своихъ ли, у русскихъ ли одоливаемъ? А умные люди говорятъ, у кого въ рукахъ кредитъ, у того и общественная сила. Не начинаемъ ли видѣть и тамъ, что на огромныхъ пространствахъ хлѣбъ, наше богатство, закупленъ у русскихъ не русскими по цѣнамъ, какія угодно назначить не намъ, а покупщикамъ? Увы! Этотъ роковой переворотъ набѣгаетъ быстро. Опять вопросъ, отчего это происходитъ?

Я долженъ отвѣтить кратко и выразительно, чтобъ не запутаться и не запутать въ слишкомъ многихъ соображеніяхъ. Не такъ давно одинъ мыслящій и спеціально наблюдающій за этимъ человѣкъ, жившій именно въ гор. Николаевѣ, задаетъ мнѣ слѣдующій глубоко-замѣчательный, тонко намѣченный вопросъ: «скажите, отчего это происходитъ, что когда проходишь мимо католическаго костела, или лютеранской кирхи, мимо раскольнической молельни, тѣмъ болѣе мимо еврейской синагоги, то чувствуешь невольно, что тутъ центръ общественной жизни? И однѣ только русскія церкви лишены этого характера; отъ нихъ вѣетъ общественнымъ равнодушіемъ, апатіей невмѣшательства и полнымъ безсиліемъ?» На это я отвѣтилъ сему тонкому наблюдателю вкраткѣ: «это зависитъ оттого, что во всѣхъ другихъ вѣроисповѣданіяхъ общества солидарны съ своими духовными вождями, и не смотря на стѣсненіе со стороны закона, проникнуты интересомъ обходить законъ и дости-

гать своихъ цѣлей даже помимо государственной пользы; въ русской же церкви общество не связано съ духовенствомъ никакимъ общественнымъ интересомъ, а духовенство, отъ котораго власть всегда желала, чтобъ оно не вмѣшивалось въ общественныя дѣла, духовенство, проникнутое преклоненіемъ предъ властію въ глубинѣ совѣсти, привыкло ни во что общественно-народное не вмѣшиваться, а къ послѣднему времени дошло даже до апатіи, такъ что его нужно, а подъ часъ и бесплодно возбуждать къ какой либо благоплодной дѣятельности».

Объяснимся пространнѣе.

Еще съ царя Іоанна III ясно сказалось на Руси стремленіе, чтобы русское духовенство не вмѣшивалось въ обще-народныя дѣла. Въ свою очередь и русское духовенство никогда не имѣло въ себѣ папистическаго духа, твердо зная и глубоко чувствуя, что царство Христово не отъ міра сего. Тѣмъ не менѣе поддерживаемое тогдашнимъ духомъ благочестиваго христіолюбиваго вѣка, крѣпко настаивая на собственномъ церковномъ дѣланіи, духовенство накладывало церковную печать на всю народную жизнь, съ высшихъ до низшихъ сферъ, съ дворцовъ до хижинъ. Взять на примѣръ царей Іоанна IV и Алексѣя Михайловича; вѣдь они знали церковность лучше лучшихъ монастырскихъ уставщиковъ. Таковъ былъ тогда духъ. Духомъ православія и церковности скрѣплялся духъ русской народности въ крѣпкое единство. Въ этомъ единствѣ русскій народъ росъ и мужалъ, не по днямъ, а по часамъ, подъ общепоглащаемымъ знаменемъ православнаго русскаго креста. Но въ эту народную цѣльность внесла разложеніе первая государственная реформа. Послѣдствіемъ этого было, что все, что на

Руси относило себя къ высшему образованному кругу, пошло въ сторону отъ старыхъ свято-отеческихъ завѣтовъ, по пути европеизма. Духовенство устранено было не только отъ всякаго участія въ обще-народномъ дѣлѣ, но и изъ самаго общества, которое считало себя высшимъ. Самое духовно-церковное учитель ствостало для іерархіи дѣломъ небезопаснымъ, такъ что всякій мелкопомѣстникъ, всякій низшій чинъ властенъ былъ зажать ротъ всякому неумѣстноревнивому къ учительству среди народа церковнику. Даже архіерейское проповѣдничество подверглось ревниво-бдительной цензурѣ свѣтскихъ властей. Народъ же, смущенный раскольническимъ духомъ, остался пока съ своимъ противленіемъ образованному европеизму, съ своими преданіями и съ старымъ русскимъ духомъ, но безъ духовныхъ вождей, безъ вѣры въ нихъ, безъ преданности имъ и благопокорности. И святая издревле Русь разложилась на элементы розни. Разложеніе же никогда не содѣйствуетъ крѣпости.

Бѣдствіе разложенія на этомъ не остановилось. Реформы предпоследняго царствованія, особенно же интеллигентный духъ толкованія, каковой сопровождалъ ихъ въ житейской практикѣ, внесли и виѣдряютъ глубже и глубже въ обще народную русскую жизнь противо-историческое, противо народное, противо-государственное начало либерализма.

Мы будемъ изображать господствующій характеръ фактовъ, не касаясь исключеній, которыя въ свою очередь многочисленны.

Посмотрите на высшихъ, на образованныхъ, на интеллигенцію. Отъ вѣры отказались. Отъ церкви отреклись. Въ церковь совсѣмъ не ходятъ, даже въ самые великіе христіанскіе праздники. Ходятъ развѣ по приказу въ

церковно-гражданскія торжества, да и то почти исключительно для веселаго препровожденія времени, къ общему соблазну и огорченію вѣрныхъ. И управы на этихъ кощунствъ безчинниковъ нѣтъ, когда страха Божія въ сердцахъ не оказывается. Какъ они ведутъ себя въ церкви, такъ нельзя вести себя въ еврейской синагогѣ. Тамъ они стѣсняты общественнымъ приличіемъ молящихся. Но у насъ и съ нами къ чему стѣсняться? Съ нами у насъ они просто и откровенно грубы. Отъ всякой дисциплины церковной отказываются. Не говѣютъ. Не только дома, но и при общественномъ богослуженіи перестаютъ даже креститься. Въ приложеніи власти и суда священно-церковное не находитъ себѣ защиты. Скорѣе и охотнѣе окажутъ великодушное покровительство, поддержку, организаціонное содѣйствіе, поблажку какому либо дикому и чуждому Далай-ламству, шаманству, анти-русской штундѣ, анабаптизму... Давно ли мы перестали любезничать и съ латинскою польщиною? А предъ просвѣщенною лойяльностью нѣмецкаго пастората, до послѣднихъ дней, преклоняться мы и не переставали, дѣлая все ему въ угоду, въ его укрѣпленіе надъ номинально-господствующею вѣрою. По ложнымъ теоріямъ о нравственной невидимости, къ смущенію всѣхъ совѣстей, гонится многое и старозавѣтное обще-человѣческое: оправдываются отцеубійцы, жено—и муже—убійцы, вообще несомнѣнные убійцы, не говоря о другихъ бого-и законо-противникахъ. Въ отношеніи къ народной массѣ власть исключила было себя изъ употребленія, чтобы лучше приучать народъ къ самоуправленію, начиная съ низшихъ сферъ, мѣщанской и крестьянской, у которыхъ по общежитію въ городахъ и селеніяхъ оказались подчиненными и высшія сферы. Въ

послѣднее время признано нужнымъ поправить это великое зло, которое иначе можетъ оказаться и непоправимымъ. Помоги Боже! Пора. Интеллигенція сказала русскому народу все, что можно придумать анти-религіознаго и церковнаго, противу-историческаго и противу-государственнаго, и продолжаетъ распространять свои самыя дикія измышленія, въ родѣ Толстовскихъ. Куда же стремятся вслѣдъ за Толстымъ? Къ ниспроверженію всякой культуры!! Въ самыя послѣдніе дни эти стремленія обуздываются, но довольно ли? Но рѣшительно ли? Но не робко ли? А если и народъ станетъ на Толстовскую точку зрѣнія, что всякая власть есть насиліе?! Что тогда?! Не ясно, не очевидно ли, что *устами нечестивыхъ раскапываются* не только *грады*, но и побольше и пошире?

Духовенство? Духовенство для интеллигентнаго сословія стало чѣмъ-то только терпимымъ. Да и терпимое-ли? Посмотрите около себя, подумайте, правду-ль я говорю? Чтобы сравнить, чтобы рельефнѣе показать разницу, расскажемъ быль. Не такъ давно рассказывалъ мнѣ чиновникъ, особо наблюдавшій бытъ нашихъ инородцевъ сравнительно съ бытомъ русскимъ. Дѣло происходило не такъ далеко отсюда. Ему нужно было свести лицомъ къ лицу русскихъ священниковъ съ лютеранскимъ пасторомъ. Русскіе священники молодые, образованные, такіе хорошіе. Приняли ихъ въ собраніи по обычаю. Но прибылъ въ собраніе и пасторъ. Надо было видѣть, съ какимъ подобострастіемъ встрѣтили его всѣ. Что же особенно поразительно было видѣть—эта важность, съ какою пасторъ занялъ свое положеніе въ собраніи, особенно же то подобострастіе, именно подобострастіе, съ какимъ встрѣтили его сами русскіе священники. Такое

же почетное положеніе занимаютъ въ русскихъ земляхъ и латинскіе ксендзы. Вы скажете, они заслуживаютъ уваженіе, а русскіе священники не заслуживаютъ? Неправда. Тѣ привыкли уважать сами себя потому, что окружены уваженіемъ общества и даже нашихъ русскихъ; а наша братія гнется подъ гнетомъ смиренія потому, что вся общественная наша сила относится къ намъ и нелюбовно и пренебрежительно, относится въ теченіи вѣковъ. Можно бы указать множество фактовъ, какъ общественная сила относилась съ большею предупредительностію къ татарскимъ мулламъ, калмыцкимъ бакшамъ, штундистскимъ пресвитерамъ и протопресвитерамъ, чѣмъ къ почтеннѣйшимъ іереямъ и протоіереямъ православнымъ. Между тѣмъ въ православномъ русскомъ духовенствѣ большинство и образованныхъ и достойныхъ людей. Священникъ въ большинствѣ самый образованный челоѣкъ на весь околотокъ. Но его трактуетъ безъ уваженія, какъ необразованнаго, всякій въ околоткѣ мелкій невѣжественный шляхтичъ. Въ послѣднее время пустили его въ народную школу; но и тамъ приняты мѣры, какъ бы онъ не вышелъ изъ подъ крѣпкой руки недоучки-учителя или какой либо легковѣсной учительницы. Заставили его съ утра до ночи устремлять свои очи на нищенскіе гроши, оплачивающіе его денно-нощный трудъ, и сами же презираютъ его за его жалкую долю. И въ теченіе вѣковъ мы жалко согнулись подъ этимъ общественнымъ гнетомъ. Мы впали въ вѣковую спячку, и намъ какъ-то не вѣрится даже, что насъ будятъ къ общественной дѣятельности. А Господь съ ними. Пускай ихъ шевелятся. Наша хата съ краю. Сегодня приставятъ къ дѣлу, напр. къ народнымъ школамъ, а завтра отставятъ, скажутъ, вредный

клерикализмъ. Давно-ли стало безопасно священникамъ вышаты голосъ противъ народной нетрезвости? Священникъ то и чуждъ народнымъ нуждамъ. Да и нужды народныя его чуждаются. Только коснись онъ ихъ, мы его сейчасъ же успокоимъ. Русскій православный священникъ совсѣмъ не то, что польскій епископъ или сестейскій пасторъ, раскольническій батька, особенно же еврейскій раввинъ, членъ кагала. Тѣ—общественная сила, всегда поддерживаемое своею общиной, цѣнимое въ государствѣ, неуловимое зло. А русскій священникъ—легко обуздываемое безсиліе. Между тѣмъ онъ-то, русскій священникъ, и есть, какъ и былъ всегда, коренной носитель истинно-народнаго, богопреданнаго, царелюбиваго русскаго духа. А онъ-то никому и не потребенъ, всѣ отъ него сторонятся, сторонятся отъ исконнаго русскаго духа.

Купечество, мѣщанство, народъ,—что о нихъ сказать? Укажемъ выдающіяся стороны. Купечество, мѣщанство, народъ, не чуждаясь ни церкви, ни духовенства, вмѣстѣ съ своимъ пастырствомъ, долго были хранилищемъ исконнаго русскаго духа. Къ несчастію, противу-церковность и сектантство свили себѣ тамъ прочное гнѣздо уже давно; многіе главари издавна любили тамъ оставаться вожаками сектантскихъ сборищъ даже не по убѣжденію, а по мелкому самолюбію, чтобы стоять у всѣхъ на виду, чтобы заправлять другими, а ихъ собственному праву чтобы никто не мѣшалъ. Въ послѣднее же время широко проникаетъ туда и либерализмъ понятій и поступковъ, какъ туда же проникаютъ и всякіе виды вѣроотступничества. Кто не знаетъ, что образованность высшихъ купеческихъ слоевъ весьма часто состоитъ только въ перениманіи образа жизни нашей

интеллигенціи, въ отступничествѣ отъ старозавѣтныхъ уставовъ церкви, въ усвоеніи свѣтской нерусской наружности и т. п.? Кто не знаетъ, что женскій полъ купечества отлично выучивается проводить большую часть ночей въ разныхъ увеселительныхъ собраніяхъ, проигрывать тамъ большія суммы, пускаться по вѣтру величайшее изъ благъ—семейную домашнюю жизнь? Кто не видалъ городовъ,—не о своихъ, не о ближайшихъ говоримъ,—гдѣ солидные русскіе люди устрояютъ свое благосостояніе систематическимъ банкротствомъ и всяческимъ обманомъ? Кто не видитъ этой бѣшеной погони за разживою, за роскошью, за развлеченіемъ, за наслажденіемъ, не видитъ во всѣхъ кругахъ, отъ высшихъ до самыхъ низменныхъ? Наши ремесленники, наши рабочіе, не здѣсь, а въ коренныхъ русскихъ городахъ, напоминали мнѣ старое время, когда наши предки славяне, безсильные сами собой учинить какой либо строй, поплыли за море къ нѣмцамъ просить ихъ извѣстною достойною славянскою шатости рѣчью: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, придите княжить и владѣть нами, спастина съ отъ нашей шатости». Вотъ ремесленники, вотъ рабочіе кореннаго русскаго города, и всѣ они шатуны, сидятъ безъ работы, и никто имъ не довѣряетъ; имъ нуженъ какой либо нѣмецъ мастеръ или еврей,—къ удивленію я видѣлъ это собственными глазами,—чтобы сосредоточить нашихъ русскихъ около себя, поставить на ноги и засадить за работу. И русскіе работаютъ на нѣмца или даже на еврея охотно, но только до субботы; въ субботу забираютъ у мастера деньги не только за пройденную работу, но и впередъ, и мастеръ даетъ имъ охотно; потому что этимъ закабаляетъ ихъ на свою работу надолго; тѣ свои деньги

пропиваютъ, пьянствуютъ субботу, воскресенье, понедѣль-
никъ; во вторникъ, въ среду возвращаются къ мастеру бо-
сые, голые, избитые, мастеръ одѣваетъ ихъ и снова заса-
живаетъ за работу, пока который мастеровой совѣтъ уже
не пропѣтся, и тогда мастеръ его совѣтъ уже прогоняетъ,
а на его мѣсто сажаетъ другаго. Пусть не много и теря-
етъ на томъ или другомъ босовикъ, но въ русскихъ рабо-
чихъ никогда нужды не имѣетъ, ихъ всегда довольно подъ
руками, и въ цѣломъ нѣмецъ или еврей выигрываютъ и
разживаются. Всѣ къ нимъ начинаютъ въ городѣ питать
довѣріе, всѣ обращаются съ заказами. А наши не выходятъ
изъ состоянія нищеты и разврата. На дняхъ пріѣзжалъ ко
мнѣ одинъ изъ ближайшихъ отсюда священниковъ за со-
вѣтомъ: «что дѣлать? Хлопочу, учу, проповѣдую, завожу
церковное пѣніе, все бесполезно. Сперва было два кабака,
теперь ихъ у меня пять. Народъ работаетъ на городъ, а
что выработаетъ, тутъ же пропиваетъ. За пьяными мужь-
ями идутъ въ кабаки ихъ жены, и тамъ же остаются. За
пьяными родителями идутъ дѣти, и тамъ же остаются. Ста-
рый и малый днюютъ и ночуютъ около кабаковъ. Церковь
всѣ оставили. А въ кабакахъ идетъ служеніе бахусу, идетъ
пиръ горой, шумъ и гамъ и по буднямъ. Пособить горю
никакъ нельзя. Никто не помогаетъ, никто не слушается!...»
Ну, и я ему не помогъ. Знаете ли еще, а если не знаете,
то я вамъ скажу, что цѣломудріе становится преданіемъ,
въ которое ближайшія поколѣнія перестанутъ вѣрить. Оному
юному священнику я не помогъ, какъ и другимъ не по-
могаю, по той простой причинѣ, что писать бумагу по этому
предмету значитъ только изводить бумагу и чернила. Сто-
кратно вотъ пишешь: закройте базары по воскреснымъ и

праздничнымъ днямъ, страшное безобразное зло. А намъ
отвѣчаютъ: у русскаго человѣка и такъ много праздниковъ
и такъ онъ бѣденъ, а какъ станетъ терять еще будніе дни
на недѣлѣ для базаровъ, то и еще побѣднѣетъ. У русскаго
человѣка и такъ мало развлеченій. И вотъ не только такъ
называемые антрепренеры, которые съ этого ѣдятъ свой
жалкій хлѣбъ, но и всѣ имущіе вліяніе, даже власть, не толь-
ко допускаютъ, но и поощряютъ, но даже сами объявляютъ
даже запрещенныя закономъ представленія, всякія гуль-
бища и игрища въ недозволенное время, въ посты и по
возможности не въ праздники, а нарочито наканунѣ празд-
никовъ, наканунѣ праздниковъ въ благоразумномъ расчетѣ,
что въ эти дни православный русскій человѣкъ свободенъ
гулять всю ночь и утро и цѣлый день, а съ воскресенья
на понедѣльникъ онъ уже долженъ быть озабоченъ насту-
пающимъ трудовымъ днемъ. Къ стыду и тутъ забота о
нравственности русскаго человѣка, только забота совершенно
извращенная. Собственно не значить-ли это развращать рус-
скаго человѣка, и изъ его разврата извлекать средства для
благотворенія благотворительнымъ учрежденіямъ, на кото-
рыхъ пошла теперь такая широкая мода?.. Кого же мы
обманываемъ, Бога, или людей такимъ пагубнымъ благотво-
реніемъ?! Съ народнаго разврата соберемъ разными постыд-
ными приманками столько-то тысячъ и довольны и рады,
не задумываясь, да куда же мы идемъ наконецъ?! Отъ со-
блюденія святыхъ дней побѣднѣетъ русскій человѣкъ?..
Смотрите, англичане, которые свято чтутъ воскресный день,
бѣднѣютъ ли они? Нашимъ либеральнымъ печальникамъ
народа непротивно, когда русскій православный человѣкъ
справляетъ свою работу въ воскресный день въ огнѣ

храма, въ которомъ служится торжественная литургія и стоитъ масса молящихся. Не противно, когда русскій рабочий кидаетъ работу съ утра субботы, въ воскресенье лежитъ пьянъ, въ понедѣльникъ и вторникъ боленъ отъ того же пьянства... Это обычный порядокъ вещей, который заводится и по селамъ и доводится до чудовищности разврата воскресными и праздничными базарами. Скоро на эти базары покатитъ поголовно, — да мы и видимъ, что уже катитъ, — покатитъ вся Русь, мужескій и принаряженный женскій полъ, старый и малый. А дома будутъ оставаться только бездомные калѣки, да безпомощные старики.

Не ясно ли, не очевидно ли, что нечестивыми устами нечестивыхъ людей грады и общества, народы и царства раскапываются? Не пора ли намъ наконецъ принять противъ этой отравы цѣлебныя мѣры?

Какія же? Земля наша велика и обильна, но нравственного безпорядка въ ней не мало. Не къ нѣмцамъ же снова итти звать ихъ, чтобъ они обуздали насъ. Намъ самимъ нужно овладѣть собою, своими страстями, своею рознью. Намъ необходимо, елико возможно, возстановить солидарность всѣхъ сословій русскаго народа. И какъ? Въ какомъ направленіи?

Посмотримъ около себя, поучимся, у нашихъ инородцевъ. Они солидарнѣе, они крѣпче насъ въ смыслѣ общности. Русскіе паписты, русскіе протестанты единятся своею вѣрою и сосредоточиваются около своей церкви. Тамъ всендзъ, тамъ пасторъ сила, солидарная съ силою всего прихода; тамъ іерархія сила, поддерживаемая вліяніемъ всего вѣрующаго ли, невѣрующаго ли, но единовѣрнаго общества. Это еще поразительнѣе видно въ еврейскомъ обществѣ. Ре-

лигія основа крѣпкаго еврейскаго духа. Болѣе или менѣе тайная — явная религіозная организація — это та могучая многосильная машина, которая движетъ милліоны еврейства къ тайно намѣченнымъ цѣлямъ. Только слѣпецъ можетъ не видѣть, какъ страшна, какъ грозна эта сила. Она стремится не болѣе ни менѣе, какъ къ поработченію міра. И знающіе подумайте, что въ послѣднее столѣтіе она сдѣлала ужасающіе успѣхи, опираясь на европейскій либерализмъ, на равноправность предъ закономъ и т. п. Она больше и больше, тѣснѣе и тѣснѣе спутываетъ милліоны инновѣрцевъ; а своими она правитъ какъ машиною. Всѣ евреи въ существѣ какъ одинъ человѣкъ. Мы либерально разсуждаемъ, полезно или вредно запретить базары по праздникамъ. А тайная еврейская сила говоритъ своимъ: «не смѣть! чтить субботу! Чтить законъ отцовъ! Законъ даетъ жизнь и силу еврейству!» И посмотрите, ни одинъ еврей не смѣетъ выѣхать въ субботу изъ Николаева въ Херсонъ или Одессу. Желѣзнодорожные поѣзда пусты, а пароходство между этими великими городами вовсе прекращается. Странно и обидно для христіанскаго народа и такого великаго царства какъ наше. Но какова чужеродная сила! И какъ она смѣла и рѣшительна! Эта сила религіозная, исходящая изъ религіозной организаціи кагала.

Европейскій либерализмъ не соберетъ всѣхъ русскихъ подъ свое знамя, а на оборотъ разобьетъ ихъ на враждебные лагеря. Приглашающій искоренять всякую культуру, какъ насиліе и развратъ, Толстой также не собиратель, а раскапыватель русской земли. Смѣемъ сказать, что и одна власть безъ церкви не сильна водворить и укоренить глубокой нравственный порядокъ. Видимъ, что подъ вліяніемъ

разрушительныхъ Толстовскихъ и всякихъ идей, нравственный безпорядокъ глубже и глубже пускаетъ свои разрушительные корни въ народную жизнь. Для успѣшнаго противодѣйствія этимъ разрушительнымъ идеямъ общественная сила должна собраться во едино около церковной и стать твердынею народной нравственности, видя во очію, что съ расшатываніемъ нравственного порядка въ глубинѣ народной жизни неизбежно расшатывается и общественный порядокъ на ея поверхности. Промысломъ предуказывается и правительствомъ готовится наиболѣе годная для намѣчаемой цѣли повсюдная всероссійская организація, это Церковно-Приходскія Попечительства. Около нихъ, Церковно-приходскихъ Попечительствъ, должна и можетъ сосредоточиться нравственно-общественная сила прихода. Нужно, чтобы приходы, какъ живыя единицы русскаго православнаго Христолюбиваго народа, оживились, развились и окрѣпли. Нужно, чтобы въ приходахъ при Попечительствахъ остались не одни только простецы, но чтобы къ нимъ примкнуло живымъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ все, что въ предѣлахъ прихода есть отличнаго властію, достаткомъ, образованіемъ, чтобы примкнули всѣ, кто любитъ Бога и Христа Царя небеснаго, кто любитъ Христа же Божія, Царя земнаго и земное свое отечество. Нужно, чтобы Попечительства повсюду водворили крѣпость боголюбиваго духа и даже строгость на шатость нравовъ, и чтобы эта строгость была поддержана властію. Иначе русскій народъ, шагая такъ быстро по пути разложенія нравовъ, попадетъ Богъ вѣдаетъ куда и во первыхъ въ рабство, въ рабство во первыхъ собственнымъ немощамъ и страстямъ. И никто въ этомъ не будетъ виноватъ, кромѣ

насъ самихъ. Самъ себя продастъ и продаетъ русскій народъ на свою несдержанность.

Не скажите, будто я хлопочу о возвышеніи вліянія русскаго духовенства. Да, я называю этотъ предметъ по имени. Но папизмъ уже не будетъ возстановленъ никогда, не къ тому ведетъ время. Но вліяніе русскаго духовенства никогда не было ни проникнуто папистическимъ духомъ, ни вредно, ни тѣмъ болѣе опасно для народно-государственной жизни. Мы со временъ св. Владиміра были первые проповѣдники, толковники и поклонники единодержавія и самодержавія, первые молитвенники за Царя и царство. Мы самыми крѣпкими узами связаны съ неподвижностію и крѣпостію Царскаго престола, чувствуя въ глубинѣ сердца и видя яснѣе солнца, что колебаніе престола отозвалось бы тягчайшимъ гибельнымъ колебаніемъ на церкви. Аминь. 1890 г.

Цѣна 10 коп.

Складъ изданія: 1) въ Редакціи Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ Одессѣ, домъ Семинаріи; 2) въ книжномъ магазинѣ Е. П. Распопова, Одесса, Дерибасовская улица; 3) въ книжныхъ магазинахъ И. М. Розова, въ г. Одессѣ на Дерибасовской улицѣ и въ г. Бѣвѣ на Крещатикѣ въ д. Марръ; 4) въ книжномъ магазинѣ Бѣлаго въ г. Одессѣ, на Дерибасовской улицѣ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА